

DOI 10.22455/2541-8297-2018-10-166-172
УДК 812.161.1

Мифотворчество Андрея Белого в «Одной из обителей царства теней»

© 2018, И.Б. Делекторская

Аннотация: В статье рассматривается мифологическая составляющая книги Андрея Белого «Одна из обителей царства теней» (Л., 1925), взятая в контексте биографии писателя. На основании анализа текста книги и ее заглавия делается вывод о том, что, повествуя о своем путешествии в Германию, жизни в Берлине и возвращении в Советскую Россию, Белый выстраивает структурно сложный автобиографический миф, в основе которого лежат как мотивы древнеегипетской и древнегреческой мифологии, о чем прямо заявлено в книге, так и присутствующие в ней по умолчанию отсылки к сочинениям Дж. Свифта и Данте Алигьери.

Ключевые слова: Андрей Белый, «Одна из обителей царства теней», Берлин, эмиграция, автобиография, мифотворчество, Дж. Свифт, Данте Алигьери.

Информация об авторе: Иоанна Борисовна Делекторская, к.ф.н., старший научный сотрудник, Государственный музей А.С. Пушкина (Мемориальная квартира Андрея Белого), Москва, Россия.

E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

Цитирование: *Делекторская И.Б.* Мифотворчество Андрея Белого в «Одной из обителей царства теней» // Литературный факт. 2018. № 10. С. 166–172.

Текст «Одной из обителей царства теней», книги о путешествии в Германию, жизни в Берлине и возвращении в Советскую Россию, был написан Андреем Белым в марте 1924 г., менее чем через полгода после того, как он вернулся на родину¹. Публикации² предшествовали две лек-

¹ В Германии Белый жил с ноября 1921 по октябрь 1923 г. (см.: Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Сов. писатель, 1986).

² *Андрей Белый.* Одна из обителей царства теней. Л.: Гос. изд-во, 1925. Далее при цитировании этого издания в основном тексте или тексте сносок указываются лишь номера страниц.

ции с тем же названием: 14 января 1924 г. в Москве, в Государственном театре им. Вс. Мейерхольда, и через месяц, 14 февраля — в Ленинграде, в зале Певческой капеллы. Выступая с лекциями о положении дел в Германии, Белый не был первопроходцем. За год с небольшим до него, в декабре 1922 г. в Политехническом музее В.В. Маяковский рассказывал публике о своих берлинских впечатлениях. Конспект его доклада «Что делает Берлин?», сделанный П.В. Незнамовым, был опубликован в 1923 г. в журнале «Зрелища» (1923. № 9)³. Но если доклад Маяковского был строго выдержан в жанре политинформации, о чем свидетельствует уже его заглавие, то выступления Андрея Белого (насколько мы можем судить о них по тексту впоследствии опубликованной книги), опять-таки начиная с заглавия, выходили далеко за рамки указанного жанра.

В.Ф. Ходасевич однажды не без сарказма заметил, что «автобиография Белого есть такая же “серия небывших событий”, как его автобиографические романы»⁴. С этим утверждением можно спорить, можно соглашаться, но в случае с «Одной из обителей царства теней» Белый сам подчеркивает и предупреждает читателя о том, что намерен заняться мифотворчеством: «Я пройду мимо личностей и постараюсь провести перед вами свой “миф”, или сказ о Берлине: сожму в фигуральные образы эту обитель тяжелого “царства теней”» (С. 10). Цель данного исследования — кратко обрисовать особенности мифологических построений Андрея Белого, составляющих важную часть книги его берлинских впечатлений.

Приходится признать, что, создавая свой «миф», Белый использует довольно ограниченный набор собственно мифологических клише: это Тартар (С. 68) или «царство теней древних греков» (С. 7), «подземный мир» (или опять-таки «царство теней») из древнеегипетской мифологии (С. 7, 60), «страшный суд Озириса» — эсхатологический гибрид, совмещающий образность древнеегипетских верований и авраамических религий (С. 7, 60), «страж порога» Цербер (С. 17) и египетский «песьеголовый» бог-покровитель мертвых Анубис (С. 60). Вот, собственно, и всё. Но жонглирует перечисленными образами Белый с лихостью, которой могли бы позавидовать отъявленные постмодернисты.

Правда, список заимствований из копилки или, говоря современным языком, базы данных мировой культуры на этом не заканчивается. Начало книги восходит к традиции романа-путешествия, причем не столько

³ См.: *Маяковский В.В.* Доклад «Что делает Берлин?». Около 20 декабря 1920 года // *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 12: Статьи, заметки и выступления. Ноябрь 1917–1930. М., 1959. С. 462–464.

⁴ *Ходасевич В.Ф.* Андрей Белый // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г. Перельмутера; коммент. Е.М. Бенья. М., 1991. С. 312.

к ее истокам — не к «Одиссее», как, вероятно, следовало бы ожидать, — сколько к сатирико-фантастической тетралогии Дж. Свифта о путешествиях Гулливера.

У Белого автобиографический герой, «некто», предусмотрительно лишенный автором имени, ибо, как повторяет Белый вслед за Цицероном, «имена ненавистны»⁵, по дороге в Берлин вынужденно посещает две страны, хотя и существующие в реальности, но при этом явно напоминающие фантастические страны из произведений Свифта. Герой попадает сначала в страну безглазых буржуа Латвию, затем в Литву, населенную внешне обычными, но лингвистически деформированными людьми — «-асами» и «-исами», и в этой стране с ним, а точнее с его именем происходит еще одна метаморфоза: «некто» временно ассимилируется и превращается в «нектаса».

На пути в каждой из двух стран герою встречаются стражи порога, оказывающиеся при ближайшем рассмотрении вовсе не страшными и даже вызывающими симпатию. Первый является в образе латвийского полицейского, к которому обращена гневная реплика выдворяемого из страны «некто»: «Так-то в Риге встречают русских писателей» (С. 17; заметим, что, утратив имя, автобиографический персонаж не лишается профессии). В ответ латвийский Цербер, «великолепнейшее существо», как пишет Белый, «не расстреляло “некто” величием взгляда, а скромно стрельнуло глазами в свои лакированные сапоги, стыдливо повесив над ними свой нос, говоривший красноречиво: “Не я, а — они!” И — тут стало ясно: “Они” суть безглазые граждане города Риги» (С. 17).

Если рижский страж порога у Белого, судя по всему, единственный житель латвийской столицы, обладающий зрением, то в Ковно ему, а точнее «нектасу», приходится объясняться с цербером из немецкого консульства, намеренно лишаящим себя зрения, закрывающим глаза, чтобы поиграть с героем в бюрократические жмурки⁶.

В конце концов «нектас» благополучно покидает Литву, снова превращается в «некто», а затем, уже в Берлине, по ходу повествования как бы растворяется и уступает место авторскому «я».

⁵ «Я буду говорить о "некто": nomina sunt odiosa» (С. 13).

⁶ «Произошла грациознейшая игра в жмурки, когда он <"нектас" — И.Д.> явился за получением визы в немецкое консульство, где все знали, что "нектас" поедет надолго в Берлин; тем не менее "нектас" был спрошен чиновником с весьма строгим видом, себе завязавшим глаза: — "Итак вы возвращаетесь через два месяца в Ковно?" И "нектас" возрился в глазную повязку чиновника, отвечал: "я вернусь скоро в Ковно". И с той поры в консульстве в продолжение двух почти лет продолжалась, вероятно, игра: игра в жмурки: чиновник из Ковно выкрикивал: "А где "нектас"?" И "нектас" с берлинского Victoria-Luisen Strasse откликнулся чиновнику в Ковно: "Ау, здесь я, в Ковно!" И, может быть, по сию пору этот чиновник вызывает из Ковно: "Ау, где вы, "нектас"?" И "нектас" уже из Москвы — отвечает ему: "Ау, — я в Ковно!"» (С. 23–24).

Вожденный же Берлин у Белого — это вовсе не часть Германии, а своего рода остров, побратим свифтовской Лапуты, ненавидимый соседями остров мертвых слепых «фокстротопоклонников», живущих в ожидании страшного суда Озириса и подчиненных могуществу звероподобного «негра». «Островная» природа Берлина открывается герою-автору не сразу, а лишь тогда, когда он оказывается за его пределами, в Цоссене: «Тут я увидел другую Германию, живую и бодрую, но полную неукротимой ненависти к “Берлину”, в котором я месяцами жил; тот Берлин — не Германия» (С. 63).

Со страниц книги автор говорит о себе в первом и в третьем лице, прячется за безликим обозначением «некто». Но кем же в действительности видит он себя в создаваемой им странной системе весьма, в сущности, зыбких координат? Чтобы разобраться в этом, обратимся к заглавию сочинения Андрея Белого. На первый взгляд очевидно, что «царство теней» — это не раз упоминаемые Белым древнегреческий Таргар и древнеегипетское царство мертвых. Однако оба этих потусторонних мира, как известно, недискретны. Деление же на сегменты, «обители» — характерная особенность ада «Божественной комедии». Гипотезу о том, что книга Белого имеет непосредственное отношение к дантовской традиции, подтверждает структура «Одной из обителей царства теней». Белый последовательно описывает преддверье ада (Латвию и Литву), сам ад, точнее лишь одну из его «обителей», Берлин, и, наконец, рай — Советскую Россию.

Как и у Данте, у автобиографического героя Андрея Белого в аду есть сопровождающий. Правда, у Белого это отнюдь не Вергилий, а «песьеголовый человечек», карликовый Анубис, который появляется ненадолго, лишь для того, чтобы устроить герою экскурсию по злачным местам ада, и предлагает он услуги гида не одному лишь осматривающему ад писателю, а всем желающим: «В моменты закрытия ресторанов по улицам мрачного буро-серого города валят толпы фокстротопоклонников, фокстротопоклонниц <...> и делается на сердце уныло и жутко; тогда из складок теней начинает мелькать по Берлину таинственный теневой человечек, с котелком, точно приросшим к голове, придающим последней какую-то звероподобную форму; вам кажется, что это тот самый песьеголовый человек, который встречает вас на древних фресках Египта; там он неизменно сопровождает усопшего в царство теней, на страшный суд к Озирису; тут он, схватив вас под руку, обдаст вас коньячными испарениями рта и выхрипывает вам в ухо: “Я отведу вас в 'Nachtlocal'”. “Nachtlocal” — ночные плясуньи, ежедневно меняющие свои места и преследуемые полицией; если вы последуете за песьеголовым человеком, — перед вами откроется грация ночного Берлина:

полуприличных и неприличных плясулен, игорных притонов, вплоть до курилен опиума <...>» (С. 59–60).

Если «серо-бурый, с коричнево-серыми и зловещими тенями атмосферы, его обволакивающей» Берлин рисуется Белому «фоном картины, изображающей царство теней древних греков, или мрачной обителью подземного мира Египта, где строгий Озирис чинил над усопшими страшный свой суд» (С. 7), то Москва — это столица социалистического рая, населенного светлыми и сильными, устремленными в будущее праведными душами: «Берлинский делец <...> не выстрадал новых <...> творческих дум, не терял <...> всего, чтобы всё приобрести по-иному, как русский, разгуливавший по разгромленным тротуарам Москвы, почти в рубище, без покроя, почти без покровов, но с крепкой душой, закаленной страданьем, с надеждой взирающей на всходящую жизнь» (С. 67); «<...> не ходят — куда-то восходят в Москве; а берлинец совсем не восходит, не ходит — нисходит; и нисхождение это <...> переполняет Берлин атмосферой царства теней и подземными, душными, ядовитыми газами» (С. 72–73).

Белый повествует о своем путешествии, выступая в роли нового Данте, и рассказ его предназначен для глаз и ушей обитателей советского рая, где, помимо всего прочего, полным ходом идет процесс сотворения нового мира. Книга заканчивается словами: «Мое первое впечатление от Москвы — впечатление источника жизни; и первый глоток этой жизни есть радость себя ощущать не в унылом, чужом, упдающем городе, а в кипящей, творящей <...> сумятице, чувствуя, что сумятица — творческая лаборатория будущих, может быть, в мире невиданных форм» (С. 73).

В реальности, к сожалению, всё выглядело совсем не так радужно. Публичные лекции Белого о его берлинских впечатлениях стали, по меткому слову его друга и литературного секретаря П.Н. Зайцева, «пробным камнем и своеобразным экзаменом Андрея Белого перед новой аудиторией», экзаменом «на идеологическую зрелость»⁷. Экзамен этот дался Белому тяжело. Тот же Зайцев, присутствовавший 14 января 1924 г. на лекции в театре им. Вс. Мейерхольда, говорит: «Выдержал ли Андрей Белый этот свой экзамен, прошел ли он эту своеобразную “чистку”? Боюсь сказать положительно... Кажется, нет»⁸. Если перевести слова Зайцева на язык образов «Одной из обителей царства теней», то получится, что лекция нового Данта о путешествии в ад стала одновременно его оправдательной речью на Страшном Суде.

⁷ Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого // Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада. М., 2008. С. 55.

⁸ Там же. С. 57.

Среди слушателей ленинградского варианта этой лекции был студент филологического факультета Ленинградского университета, а впоследствии крупнейший специалист по русскому символизму Д.Е. Максимов. У него, как и у П.Н. Зайцева, от услышанного осталось тягостное впечатление. Максиму, в частности, запомнилась одна из полученных лектором записок со словами «Когда я вас слушаю, мне стыдно за человека»⁹. Белый, — вспоминает Максимов, — «не сумел скрыть своих чувств от публики. Он казался растерянным, разоруженным, почти жалким. <...> В его фигуре появилось что-то беспомощное. Он пытался как-то ответить на записку — что именно, я не запомнил, да, наверно, и трудно было запомнить его полувнятные слова. В памяти сохранилось лишь замешательство Белого и то, что, обрывая заключительные сбивчивые фразы своего ответа, он предложил своему неназванному оппоненту зайти после лекции к нему в артистическую — объясниться...»¹⁰ И хотя формально «вердикт» виртуального советского «страшного суда» оказался положительным (Белому было позволено жить и работать в России, его книги издавались внушительными тиражами¹¹), трудно даже представить, каких внутренних усилий стоила писателю адаптация к условиям жизни в показательно воспетом им социалистическом раю.

Литература

Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества / Сост. А.В. Лавров // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 773–805.

Зайцев П.Н. Последние десять лет жизни Андрея Белого // Зайцев П.Н. Воспоминания / Сост. М.Л. Спивак; вступ. ст. Дж. Малмстада. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 39–192.

Максимов Д.Е. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. Сб. / Сост. С.С. Лесневский, А.А. Михайлов. М.: Советский писатель, 1986. С. 615–636.

Ходасевич В.Ф. Андрей Белый // Ходасевич В.Ф. Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г. Перельмутера; коммент. Е.М. Бенья. М.: Советский писатель, 1991. С. 295–312.

⁹ Максимов Д.Е. О том, как я видел и слышал Андрея Белого. Зарисовки издали // Андрей Белый: Проблемы творчества: Статьи, воспоминания, публикации. С. 626.

¹⁰ Там же. С. 626–627. Д.Е. Максимов пишет, что записка «была, по-видимому, без подписи», однако, по свидетельству Д.М. Магомедовой (Москва, ИМЛИ, РГГУ), в личной беседе он сообщил ей, что автором записки являлась А.А. Ахматова. Благодаря глубокоуважаемую Дину Махмудовну за эту ценнейшую информацию.

¹¹ Так, тираж «Одной из обителей царства теней» составил 5000 экземпляров.

References

Andrei Belyi. Khronologicheskaiia kanva zhizni i tvorchestva [Andrei Bely. Chronology of life and work], comp. by A.V. Lavrov. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 773–805. (In Russ.)

Khodasevich V.F. Andrei Belyi. *Koleblemyi trenozhnik: Izbrannoe* [A shaken tripod: Selected works], comp. and ed. by V.G. Perelmutter; comment. by E.M. Ben'. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1991, pp. 295–312 (In Russ.)

Maksimov D.E. O tom, kak ia videl i slyshal Andreia Belogo. Zarisovki izdali [How I saw and listened to Andrei Bely. Sketches from afar]. *Andrei Belyi: Problemy tvorchestva: Stat'i, vospominaniia, publikatsii. Sb.* [Andrei Bely: Problems of creative work: Articles, memoirs, publications. A collection], comp. by S.S. Lesnevsky, A.A. Mikhaylov. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986, pp. 615–636. (In Russ.)

Zaitsev P.N. Poslednie desiat' let zhizni Andreia Belogo [The last ten years of Andrei Bely's life]. Zaitsev P.N. *Vospominaniia* [Memoirs], comp. by M.L. Spivak, intro. by J. Malmstad. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 39–192. (In Russ.)

Andrei Bely's myth-making in his book “An Habitation in the Kingdom of Shadows”

© 2018, Ioanna Delektorskaya

Abstract: The article discusses the mythological component of the book by Andrei Bely “An Habitation in the Kingdom of Shadows”, taken in the context of Bely's biography. The results, based on the analysis of the text and title of the book, show that in the book about his journey to Germany Andrei Bely, after living in Berlin and returning to Soviet Russia, builds a complicated autobiographical myth, based not only on some motives of Ancient Egyptian and Ancient Greek mythology, but also on Swift's and Dante Alighieri's traditions.

Keywords: Andrei Bely, “An Habitation in the Kingdom of Shadows”, Berlin, emigration, autobiography, myth-making, J. Swift, Dante Alighieri.

Information about the author: Ioanna Delektorskaya, PhD, senior research associate, Pushkin State Museum (Andrei Bely Memorial Apartment), Moscow, Russia. E-mail: i_delektorskaia@mail.ru

Citation: Delektorskaya Ioanna. Andrei Bely's myth-making in his book “An Habitation in the Kingdom of Shadows”. *Literary fact*, 2018, no. 10, pp. 166–172.